

ТЗ(2УК)
К 38

Кієво-Софійскія

КАТЕДРАЛЬНИЙ

СОБОРЪ.

КІЕВЪ.

Въ типографіи А. Давидова, арсенальной.

1869.

КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИЖИ

+

№ ТЭ (ЭНА) КЗЭ Инв. № 338402

Автор _____

Название ИСКРИИ КЭФЭ

РАЛЬ _____

Место, К. 1859

Кол-во 1

— " — отд _____

— " — илл _____

— " — карт _____

— " — схем _____

Том _____ Вып. _____

Коллекция _____

Примечание

1803

[Handwritten signature]

Кієво-Софійскій

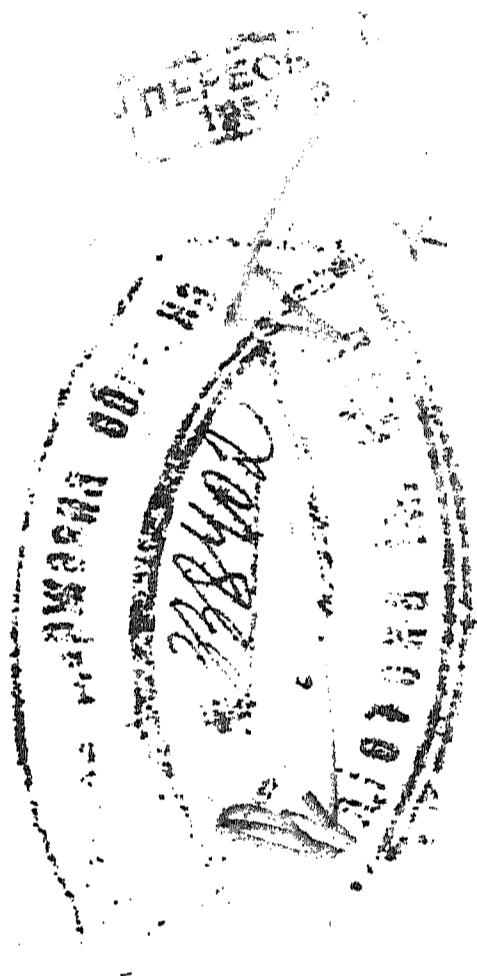
КАФЕДРАЛЬНИЙ

СОБОРЪ.

КІЄВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко, аренд. С. Кульженко и В. Давиденко.

1869.

*(Из книги »Кіевъ и его святыня« — автора путешествій
по св. мѣстамъ русскимъ).*

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го Февраля, 1869 года Цензоръ *Н. Щеголевъ*..

I.

С В Я Т А Я С О Ф І Я.

Прямо противъ дверей митрополіи, мѣдныя врата Св. Софіи. Древнее зданіе Ярославово, расширенное съ обѣихъ сторонъ двухъ-ярусными притворами среднихъ временъ, величественно возстаетъ, въ пятнадцати-главомъ вѣнцѣ своемъ, какъ царственная мать всѣхъ святилищъ Россійскихъ. Надъ нею и мимо нее протекли всѣ бури, опустошавшія ея родную землю; внѣшняя своенравная масса ея зодчества свидѣтельствуется о сонмѣ вѣковъ, противъ натиска коихъ она устояла, какъ неодолимый утесъ среди морскихъ волнъ!—Но изъ ея таинственной глубины, изъ-подъ трепетнаго мрака ея уцѣлѣвшихъ сводовъ, доселѣ дышетъ святая, родная старина временъ Ярославлихъ!—Переступи порогъ идохнешь иною жизнію; пусть замкнутся за тобою мѣдныя врата западныя, и за ними міръ; иди все къ востоку, къ той Нерушимой стѣнѣ, которая осѣнила собою Церковь и Русь, отъ ихъ начальнаго востока и до ны-

Третій, нижній ярусъ мозаическихъ иконъ, отдѣленъ также широкою полосою арабесковъ отъ средняго. Здѣсь уже представлены, по сторонамъ горняго мѣста, какъ бы въ помощь и сослуженіе возсѣдающихъ на немъ Святителей, ближайшіе преемники Апостоловъ, служители и страстотерпцы проповѣданнаго ими Слова Божія: съ правой стороны, архидіаконъ и первомученикъ Стефанъ, въ облаченіи своего сана, держа въ одной рукѣ кадило, а лѣвою прижимая къ сердцу камень, его соединившій со Христомъ; подлѣ него рядъ Святителей: чудотворецъ Николай, Григорій Богословъ, Климентъ Папа Римскій, глава коего принесена была изъ Корсуніи просвѣтителемъ Россіи, и обличитель ересей Епифаній. По лѣвую же сторону архидіаконъ римскій, Лаврентій, принесшій себя во всеожженіе Господу, съ кадильницею въ рукахъ, и рядомъ съ нимъ великіе учителя Церкви: Василій, Златоустъ, Григорій Нисскій и соименный ему чудотворецъ Кесарійскій, отъ коего сохранился намъ первый символъ вѣры.—Имена ихъ начертаны по гречески, отвѣсно подлѣ cadaго лика: всѣ Святители въ облаченіяхъ епископскихъ, держатъ въ рукахъ евангелія различнаго вида. Нижняя часть мозаиковъ уже отпала и они дописаны красками по стѣнѣ; но нѣсколько ниже еще сохранился мраморный карнизъ, подъ коимъ набраны, болѣе грубою мусіею, разноцвѣтные кресты въ пестрыхъ дугахъ. Своды алтаря росписаны новыми изображеніями блаженствъ и добродѣтелей евангельскихъ, ветхо-

завѣтныхъ Царей и Пророковъ, и ликами Архангеловъ.*)

Сладостное чувство наполняетъ душу внутри алтаря Софійскаго: и благоговѣніе къ святынь и любовь къ родинѣ. Самая близость минувшаго, которое вмѣстѣ такъ свѣжо и такъ старо, производитъ утѣшительное впечатлѣніе на сердце, ибо вѣкъ Ярослава предъ очами, какъ бы современный, и слава древней Византіи, завѣщавшей намъ залогъ вѣры, отразилась въ нашей Св. Софіи. Не напрасно послы Владиміровы говорили Князю: «когда привели насъ Греки въ то мѣсто, гдѣ служатъ они Богу своему, мы не знали гдѣ мы: на небѣ или на землѣ? ибо по истинѣ нѣтъ на землѣ ничего подобнаго, и мы не можемъ забыть видѣнной нами красоты; всякой человѣкъ, вкусивъ однажды сладкое, уже не пріемлетъ болѣе горькаго!»—Слова сіи конечно запали въ душу отрока Ярослава, когда онъ пожелалъ перенести въ землю Русскую это Софійское небо и, вступивъ на престолъ отеческій, соорудилъ, на поприщѣ своей побѣды надъ Печенѣгами, подобіе величественнаго святилища Цареградскаго.

Самый престолъ алтаря Софійскаго устроенъ по размѣру гроба Господня, и обложенъ позлащенными досками. Сохранились еще остатки мусіи на аркѣ, ближайшей къ иконостасу, съ

*) При послѣднемъ обновленіи написаны вновь по золотому полю, надъ престоломъ, на сводѣ алтаря: образъ Спасителя, благословляющаго распростертыми руками и отъ него внизъ, по стѣнамъ, изображенія пророковъ и святителей.

наружной ея стороны: обычная икона, Деисусъ, изображающая Господа, среди ликовъ своей божественной Матери и Предтечи, съ Греческою надписью вокругъ: «Богъ посреда ея и не подвижится, поможетъ ей утро и заутра;» а на столпахъ, поддерживающихъ сію арку, образъ Божіей Матери съ веретеномъ въ рукахъ и благовѣствующій Архангелъ со скипетромъ. Но во время обновленія храма Софійскаго, въ новѣйшіе вѣка, мало заботились о его драгоценной мусіи, ибо высокій, раззолоченный иконостасъ,^{*)} устроенный Митрополитомъ Рафаиломъ; совершенно закрывалъ Деисусъ, и боковыя иконы, и даже то дивное изображеніе Пречистой Дѣвы, надъ горнимъ мѣстомъ, которое доселѣ составляетъ лучшее украшеніе всего собора. Должно предполагать, что во время Ярославово иконостасъ былъ гораздо ниже и не препятствовалъ, стоявшимъ внутри храма, наслаждаться зрѣлищемъ не только сей иконы, но и вечери тайной, написанной мусіею на восточной стѣнѣ алтаря. Свыше иконостаса еще видѣнъ въ дугѣ, на золотомъ полѣ, мозаической древній ликъ Спасителя, и подъ куполомъ уцѣлѣли также образа, евангелиста Марка и до половины евангелиста Іоанна, и пятнадцать ликовъ мученическихъ, изъ числа сорока пострадавшихъ въ Севастіи, которые всѣ были изображены мусіею на боковыхъ аркахъ, поддерживающихъ куполь. До сего лишь мѣста доходило поврежденіе, а далѣе не

^{*)} Рафанловскій иконостасъ въ 1853 г., при послѣднемъ обновленіи собора, пониженъ на одинъ ярусъ.

коснулась рука времени и враговъ; ибо Татары, при разореніи Кіева въ 1240 году, сломивъ до основанія церковь Десятинную и куполы соборной церкви Лавры Печерской, не коснулись Св. Софіи; зданіе сохранилось, но пострадало отъ дѣйствія непогоды и долгаго запустѣнія.

Соборный алтарь еще сохранилъ отдѣльный жертвенникъ, по древнему обычаю Церкви православной, необходимому для порядка богослуженія; но другое соотвѣтствующее отдѣленіе алтаря, называемое діакониконъ, обращено было, въ позднѣйшія времена, въ особый придѣлъ Св. Богоотецъ Іоакима и Анны, гдѣ трудно служить литургію по тѣснотѣ. Рядомъ съ нимъ, съ южной стороны, еще три придѣла: въ память чуда Архангела Михаила, Преподобныхъ Печерскихъ и Успенія Богоматери. По лѣвую сторону алтаря Софійскаго, также три придѣла, въ рядъ одинъ подлѣ другаго: трехъ Святителей Московскихъ и вел. муч. Георгія, бывшій прежде во имя Григорія Богослова, равноапостольнаго князя Владиміра и св. Іоанна Предтечи, бывшій до 1853 г. во имя Благовѣщенія. Оба крайніе придѣла, какъ съ сѣверной, такъ и съ южной стороны, устроены не ранѣе XVII вѣка, Митрополитомъ Петромъ Могилою, который поставилъ верхнія галлерей, на двухъ нижнихъ боковыхъ пристѣнкахъ, чтобы предохранить внѣшнія стѣны храма.

Въ одномъ изъ придѣловъ сѣвернаго притвора, посвященномъ памяти Равноапостольнаго Князя, почиваетъ, подъ сѣнію отеческою, благовѣрный сынъ

его, храмоздатель. Древняя Византійская гробница прислонена къ стѣнѣ алтарной; на мраморныхъ плитахъ ея изображены пальмы и кресты, то отдѣльно другъ отъ друга, то переплетенныя вмѣстѣ или смѣшанныя съ листьями дуба и винограда: въ одномъ изъ пяти квадратовъ, на которые разбита лицевая доска памятника, двѣ рыбы изваяны въ верхнихъ углахъ креста; вѣроятно всѣ сіи надгробныя украшенія имѣютъ какое либо символическое значеніе, нынѣ утраченное.*) На остроконечномъ фронтонѣ изваянъ лабарумъ, чудотворное знамя великаго Константина, съ которымъ побѣдилъ онъ языческій міръ. Греческія буквы «ІС. ХС. ника» отпечатаны вокругъ cadaго изъ крестовъ, въ знаменіе новой побѣды, одержанной именемъ Господа Іисуса, въ языческой дотолѣ Руси, которой уже второй самодержецъ отходилъ къ вѣчному покою, подъ сѣнію спасительнаго креста и сооруженнаго имъ святилища.

Таковъ могильный памятникъ великаго Ярослава, уцѣлѣвшій чрезъ столько разореній его храма и столицы! Самое время не смѣло его коснуться, какъ бы уважая память славнаго мужа, упрочившаго Церковь и царство. Огромно лице его въ лѣтописяхъ нашихъ: оно одно можетъ стоять рядомъ съ святымъ его родителемъ, изъ всего потомства княжескаго въ Кіевѣ, не исключая, быть можетъ, и Мономаха. Если Церковь приняла въ ликъ своихъ заступниковъ Равноапостольнаго отца, то она мѣстно чтитъ въ Кіевѣ память благовѣрнаго сына,

*) Рыба, по гречески *Ιχθυς*, знаменовала начальныя буквы имени Іисуса Христа Бога. і. х. ѳ. з.

который оказалъ ей столько услугъ, ибо онъ распространилъ просвѣщеніе духовное до дальнихъ предѣловъ расширенной имъ державы; воздвигая повсюду храмы, украшалъ ихъ не только драгоценною утварію, но и переводами божественныхъ книгъ, и, вмѣстѣ съ Русскою правдою, заботился о Соборныхъ правилахъ, для управленія церковнаго. Твердыя начала, положенныя великимъ Ярославомъ, устояли противъ бури среднихъ вѣковъ, даже когда временно распалась держава, собранная имъ во едино, и, изъ-подъ величественной сѣни Св. Софіи, свѣтлое лице его доселѣ радуется исполненію его благочестивыхъ предпріятій.

Но гдѣ прочіе Князья Кіевскіе, о коихъ упоминаетъ лѣтопись, какъ о погребенныхъ другъ подлѣ друга, въ мраморныхъ ракахъ у Св. Софіи? гдѣ сыны и внуки великаго Ярослава?—Всеволодъ, болѣе всѣхъ имъ любимый, которому часто говорилъ отецъ: «сынъ мой благо тебѣ будетъ, ибо слышу о твоей кротости и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если дастъ тебѣ Богъ воспріять престолъ мой съ правдою, послѣ братьевъ твоихъ, а не насиліемъ, то когда отведетъ тебя Богъ отъ житія сего, ты ляжешь, гдѣ и я лягу, у гроба моего, ибо я люблю тебя болѣе братьевъ твоихъ.» Сбылось завѣщаніе отеческое, и Всеволодъ возлегъ подлѣ славнаго родителя, въ одинъ годъ съ своимъ несчастнымъ сыномъ Ростиславомъ, который бѣдственно утонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ, въ часъ кровавой битвы съ Половцами, предъ глазами нѣжно его любившаго брата Моно-

маха.—Но гдѣ они? гдѣ самъ великій Мономахъ, съ добрымъ, но слабымъ сыномъ Вячеславомъ, именемъ коего прикрывались только честолюбивые племянники, чтобы достигнуть великаго княженія?— Всѣ они должны быть тутъ, въ основаніяхъ храма; но мѣсто гробовъ ихъ неизвѣстно, хотя можно, съ большею вѣроятностію, предполагать оное по сосѣдству Ярослава, въ сѣверномъ присѣнкѣ, обращенномъ теперь въ алтарь Равноапостольнаго ихъ предка, или подъ ближайшимъ придѣломъ Трехсвятительскимъ. О сколь драгоцѣннымъ сокровищемъ, для Кіева и всей Руси, былъ бы гробъ великаго Мономаха, умиротворителя Князей, собирателя царства, который сокрушилъ орды Половецкія и едва ли не презошелъ, христіанскими добродѣтелями, царственныя свои доблести! Кто не прослезится, читая его духовное завѣщаніе, которымъ онъ научалъ дѣтей своихъ, какъ жить и царствовать, и которое они такъ мало соблюли? Съ миромъ отошелъ къ покою Мономахъ, и съ нимъ закатилось солнце отечества; ибо послѣ него Кіевъ былъ только яблокомъ раздора и поприщемъ междоусобій, до нашествія Монголовъ. Самая Св. Софія, мѣсто упокоенія Мономахова, была не разъ ограблена собственными Князьями, Ольговичами, оспоривавшими наследіе у его потомства.

И еще многихъ гробовъ не достаетъ у Св. Софіи, но уже не княжескихъ, а святительскихъ, ибо, въ теченіе ста тридцати лѣтъ, служила она усыпальницею Митрополитовъ всея Руси, начиная отъ

четвертаго изъ нихъ Θεопемпта и до двадцать третьяго, Кирилла, собравшаго Церковь Русскую, послѣ ея разоренія Монголами. Бдительный пастырь, въ продолженіе тридцатилѣтняго святительства, странствовалъ изъ города въ городъ, по всей Руси, какъ голубица Ноева ковчега съ масличною вѣтвію, не обрѣтшая мѣста стоянія ногамъ своимъ; но умирая въ дальнемъ Переяславлѣ Залѣсскомъ, завѣщалъ онъ погребсти себя, подъ родственною сѣнію Св. Софіи, и свято была исполнена его воля. Послѣдній изъ Митрополитовъ всея Руси положился онъ въ древней ихъ митрополи; преемникъ его Максимъ уже погребенъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, а предшественникъ Іосифъ палъ жертвою народнаго бѣдствія въ разореніи Монгольскомъ.—Преданіе мѣстное не указываетъ гробовъ ихъ, если только они положены были не въ томъ же югозападномъ углу собора, гдѣ полагаются теперь Митрополиты Кіева.

Одинъ однако изъ первосвятителей, уже не всея Руси, а только западной ея половины, замѣняетъ собою столько отсутствующихъ; ибо его нетлѣнныя мощи открыто почиваютъ посреди храма, напротивъ придѣльнаго алтаря архистратига Михаила. Это священномученикъ Макарій, возведенный изъ архимандритовъ Виленскихъ въ санъ Митрополита, уже послѣ раздѣленія іерархіи Россійской на Московскую и Литовскую. Два года продолжалось его святительство въ Вильнѣ, и когда, движимый благочестивою ревностію, предпринялъ трудное въ тѣ дни странствованіе по своей обширной

эпархіи, онъ былъ мученически убитъ Татарами, на пути къ первопрестольному городу, при рѣкѣ Припети. Святая мощи его перенесли въ соборъ Софійскій, который жаждала посѣтитъ душа его, и съ тѣхъ поръ, всякое первое число мая, день его страдальческой кончины, при совершеніи крестнаго хода, обносятъ ихъ кругомъ всего храма, доннынѣ имъ ограждаемаго.—На противоположной сторонѣ собора, противъ придѣла трехъ Святителей, кипарисная рака заключаетъ въ себѣ части св. мощей первыхъ вѣковъ христіанства, и св. угодниковъ Русской земли, наипаче преподобныхъ Печерскихъ.

Но кому же празднуетъ главный алтарь св. Софіи, имя коей, присное Царьграду, сдѣлалось приснымъ и у насъ, въ Кіевѣ и Новгородѣ, въ древнемъ Полоцкѣ, Вологдѣ и даже въ дальнемъ Тобольскѣ, какъ бы освящая собою края необъятной имперіи? По сказанію лѣтописи Византійской, первое наименованіе св. Софіи внушено было Ангеломъ Императору Іустиніану, когда онъ строилъ великолѣпный храмъ свой, и сіе таинственное имя знаменуетъ Слово и Премудрость Божію!—Но другіе объясняютъ оное, изреченіемъ Соломоновыхъ притчей: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь,» относя слова притчи къ Церкви Христовой, утвержденной на семи таинствахъ, и къ божественной Матери воплощеннаго Слова, которому она послужила домомъ. Посему и празднуется у насъ Св. Софія, во дни, посвященные памяти Пречистой

Дѣвы, съ тою только разницею, что въ Кіевѣ избранъ день Рождества Богоматери, когда устроился на землѣ сей дивный домъ Премудрости Божіей, а въ Новгородѣ и въ прочихъ городахъ, день Успенія, когда взятъ былъ на небо таинственный кивотъ, вмѣстившій въ себѣ Невмѣстимаго небесами. Различны и храмовыя иконы Кіева и Новгорода: въ послѣднемъ Премудрость изображена, въ видѣ огнезрачнаго Ангела великаго совѣта, на престолѣ, съ ликомъ знаменуемаго симъ ангеломъ, Спасителя поверхъ его, имѣя по сторонамъ Богоматерь и Предтечу, а на облакахъ книга Евангелія, среди Ангельскихъ ликовъ. Въ Кіевѣ же икона Св. Софіи представляетъ Божію Матерь, стоящую на облакѣ и лунѣ, подъ сѣнію, которая утверждена на семи столпахъ и ступеняхъ. На персяхъ Пречистой Дѣвы божественный ея младенецъ съ державою, благословляющій; сверху, Богъ Отецъ, въ сонмѣ Ангеловъ, и Духъ Святой, отъ него исходящій и осѣняющій Пречистую Дѣву, а на вершинѣ сѣни надпись Соломоновыхъ притчей: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь.» — Предъ Матерію Божією стоятъ на ступеняхъ Праотцы и Пророки: по правую сторону Моисей, указуя перстомъ на скрижали, гдѣ начертано: «радуйся скрижаль Божія, въ ней же перстомъ Отчимъ написася Слово Божіе:» ниже его Ааронъ, въ ризѣ святительской, съ прозябшимъ жезломъ своимъ, знаменовавшимъ Дѣву: еще ниже, Царь Давидъ въ порфирѣ, съ кивотомъ

завѣта въ рукахъ, который былъ образомъ новаго таинственнаго кивота воплощеннаго Бога. На лѣвой сторонѣ Исаія Пророкъ, съ хартією своихъ пророчествъ, указуя на слова: «се Дѣва прииметь во чревѣ и родитъ Сына и нарекутъ имя ему Еммануиль.»—Ниже его еще три Пророка: Іеремія, со свиткомъ, и Іезекіиль, съ затворенными дверями храма въ рукахъ, ибо онъ пророчествовалъ, что пройдетъ ими Господь и они останутся затворенными, въ знаменіе таинственнаго дѣвства и рождества; и Даніиль, съ камнемъ, который, по словамъ его, самъ собою отсѣкся отъ горы и возросъ въ гору великую, исполнившую всю землю. Облако и ступени знаменуютъ добродѣтели евангельскія, имена коихъ на нихъ написаны, а на столпахъ названія семи различныхъ дарованій Духа Святаго. Такова сія символическая икона Св. Софіи, въ древнѣйшемъ ея соборѣ Кіевскомъ, хотя едва ли не съ большею вѣроятностію предполагать должно, что утраченный подлинникъ ея былъ писанъ по образцу Новгородскаго.

Есть и еще семнадцать придѣловъ въ храмѣ Софійскомъ, какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ ярусѣ, изъ которыхъ 8-мь устроены въ позднѣйшія времена, но при Ярославѣ вѣроятно, былъ одинъ главный алтарь соборный, по древнему обычаю Церкви.*)—Въ югозападномъ углу нижняго яруса, находится придѣлъ

*) Впрочемъ уже въ 1640 г., по отобраніи собора отъ уніатовъ, въ немъ было 10-ть престоловъ: 8-мь *дольныхъ* и два *горнихъ*, какъ видно изъ просительнаго письма мит. Петра Могилы къ Царю Алексѣю Михайловичу. Придѣлы эти слѣдующіе: по правую сторону великаго алтаря, св. Іоакима и Анны, Архистратига Михаила препод. печер Антонія и Θεодосія и Успенія Божіей Матери; по лѣвую сторону, придѣлъ жертвенника, св. великомученик. Георгія, св. князя Владиміра и св. Іоанна Предтечи, бывшій Благовѣщенія; на хорахъ: св. Хр. Николая и св. апос. Андрея Первозваннаго. Восемь дольныхъ придѣловъ съ глав алтаремъ соотвѣтствуютъ 9-ти полукружіямъ восточной стѣны храма.

во имя дванадесяти Апостолъ; а въ сѣверозападномъ, тотъ, что былъ устроенъ Митрополитомъ Гедеономъ 1689 году въ честь Іоанна Предтечи, обращенъ въ 1824 году въ теплую церковь Срѣтенія Господня. Въ верхнемъ ярусѣ Софійскихъ галлерей, есть восемь престоловъ, по четыре на каждой сторонѣ: съ южной, во имя страстей, Воскресенія*) и Вознесенія Христовыхъ, и перваго ихъ проповѣдника въ Россіи, Апостола Андрея; съ сѣверной же Богоявленія и Преображенія Господнихъ, Іоанна Богослова, бывшій до 1824 г. во имя Рождества Христова, и чудотворца Николая.

Нельзя однако, по нынѣшнему состоянію собора Софійскаго, судить о древней его славѣ временъ Ярославовыхъ, когда стѣны были великолѣпно украшены мусією и фресками, а полъ устланъ мраморомъ, остатки коего еще кое-гдѣ видны на порогахъ. По двумъ мраморнымъ столпамъ, которые стоятъ въ западномъ притворѣ, и столбикамъ изъ порфира на хорахъ, равно какъ и по ихъ периламъ, съ лиліями и орлами, можно предполагать, что благочестивый храмоздатель ничего не щадилъ, дабы сдѣлать подобіе Кіевское достойнымъ образца Цареградскаго, хотя и не воскликнулъ, какъ Императоръ Іустиніанъ: «я побѣдилъ тебя Соломонъ!» Въ маломъ видѣ старался онъ подражать Византійской Софіи: и его церковь была крестообразною

*) Съ 1823 г. обращенъ въ собор. ризницу; былъ первоначально во имя Воскресенія, а съ 1801 до 1823 г. во имя св. Іоанна Богослова.

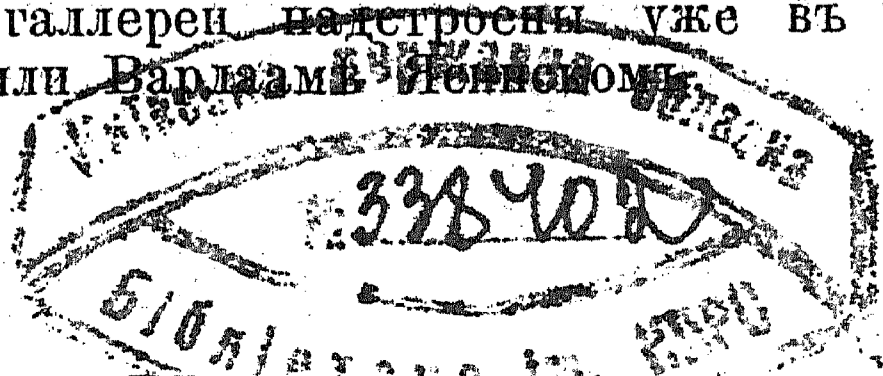
внутри, съ двойными галереями по сторонамъ и одною со входа, такъ что можно было торжественно совершать крестные ходы изъ алтаря вокругъ всего храма, не выходя изъ подъ его крова.—Но не даромъ мѣсто основанія собора было нѣкогда полемъ битвы; ибо Кіевская Св. Софія пострадала болѣе Цареградской; если же одолѣла всѣ свои опустошенія, какъ и Ярославъ одолѣлъ Печенѣговъ тамъ, гдѣ заложилъ храмъ свой, однако много потерпѣла въ теченіе столькихъ бурныхъ вѣковъ и мало сохранила отъ прежняго своего великолѣпія: не только внѣшніе враги, но и единокровные, дерзали подымать на нее руку.

Сто тридцать лѣтъ послѣ сооруженія Св. Софіи, въ 1169 году, Мстиславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, княжившаго во Владимірѣ, подступилъ съ дружинами отца къ Кіеву, и не пощадилъ святыни первопрестольнаго города: онъ ограбилъ сокровища собора и прочихъ церквей; тридцать лѣтъ спустя, страшный пожаръ опустошилъ митрополию. Протекло не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ и явился новый разоритель, Великій Князь Рюрикъ Ростиславичъ, съ одинадцатью Ольговичами, которые поставили его на престоль отеческій, но расхитили за то церковныя сокровища выданной имъ столицы.— Не успѣлъ еще Кіевъ отдохнуть отъ сего бѣдствія, какъ нахлынули орды Монгольскія въ 1240 году, и обратили его въ пустыню. Варвары искали сокровищъ, не только въ кладовыхъ, но и въ стѣнахъ церкви и въ гробахъ. Софійскій соборъ получилъ длинную трещину въ сводѣ алтарномъ.—Митропо-

литы Кіевскіе уже не находили при немъ себѣ пристаняща: Кирилль завѣщаль ему только прахъ свой; Кипріанъ сталъ опять возстановлять древнее здаіе, болѣе полутора вѣка послѣ разоренія, во время владычества Литовскаго, когда провелъ нѣсколько лѣтъ на кафедрѣ Кіевской, въ ожиданіи Московской. Слѣдующіе Митрополиты, поставленные Витовтомъ въ отдѣльность отъ Москвы, обитали въ Вильнѣ, при Великихъ князьяхъ Литовскихъ, и не заботились о древней столицѣ. Въ 1482 году, Менгли-гирей Ханъ Крымскій, разоривъ Кіевъ, нашель опять добычу въ Св. Софіи, и послаль золотые сосуды ея въ даръ союзнику своему Іоанну III.— Уніаты, овладѣвшіе соборомъ въ послѣдніе годы XVI вѣка, привели его въ совершенный упадокъ, въ теченіе тридцати-семилѣтняго обладанія, ибо они заботились только о приписанныхъ къ нему вотчинахъ. Сынъ Господаря Молдавскаго, ревностный Митрополитъ Петръ Могила, исхитилъ соборъ изъ рукъ Уніатскихъ, и долженъ былъ много издержать на его обновленіе, ибо онъ угрожалъ паденіемъ.— Тогда надстроены были на древнихъ папертяхъ двѣ верхнія галлерей и подведены каменные наружныя опоры, обезобразившія зданіе; тогда же сдѣланы щиты и боковые куполы, совершенно измѣнившіе древній видъ Ярославова храма *).

Вся лѣтопись главныхъ эпохъ Софійскаго собора заключается въ надписи, которая сохранилась до-

*) Впрочемъ съ большею достовѣрностію можно положить что двѣ крайнія галлерей надстроены уже въ началѣ 18 вѣка, при м. Гедеонѣ или Варлаамѣ Могилѣ.

селѣ, подѣ его куполомѣ, вокругѣ сводовѣ: «изволеніемѣ Божіимѣ нача здатися сей Премудрости Божія храмѣ, въ лѣто 1037, благочестивымѣ Княземѣ и Самодержцемѣ всея Руси, Ярославомѣ Владиміровичемѣ: совершися же въ лѣто 1039 и освященѣ Ѳеопемтомѣ Митрополитомѣ Кіевскимѣ и даже до лѣта 1596, православными Митрополитами, отѣ Востока содержимѣ бысть. Въ лѣто же то, отступникомѣ Михаиломѣ Рагозою, въ запустѣніе и разореніе преиде, и даже до лѣта 1631 въ томѣ пребысть, Благодатию же Божіею, егда царствовати нача Владиславѣ четвертый великій Король Польскій, благочестивыя Церкви Восточныя сынамѣ возврати и отдаде. Въ лѣто же 1634, тщаніемѣ и иждивеніемѣ преосвященнаго Архіепископа, Митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Россіи, Экзарха ерону Константинопольскаго, архимандрита Печерскаго, Петра Могилы, обновлятися начатѣ, во славу Бога, въ Троицѣ славимаго, аминь.»

Со времянѣ Петра Могилы, соборѣ обращенѣ былѣ въ монастырѣ кафедральный: но братія его, хотя и довольно многочисленная, убого вокругѣ него помѣщалась, въ развалинахѣ древнихѣ каменныхѣ зданій и въ деревянныхѣ, часто страдавшихѣ отѣ пожара. Новое устройство монастыря Софійскаго началось уже въ исходѣ XVII вѣка, при Князѣ Гедеонѣ Четвертинскомѣ, избранномѣ въ Митрополиты Кіеву, послѣ многихѣ смутныхѣ переворотовѣ южнаго края, когда древняя сія кафедра, съ согла-

сія Патріарховъ Вселенскихъ, подчинилась навсегда Патріархіи Московской. Съ помощію Самодержцевъ Россійскихъ, Іоанна и Петра, ревностный Гедеонъ совершенно обновилъ соборъ Софійскій и все прилежавшее къ нему зданіе; онъ же перенесъ изъ Любеча двѣ чудотворныя иконы, Спасителя и Божіей Матери, которымъ и теперь поклоняются благочестивые посѣтители, на двухъ столпахъ у западнаго входа. Преемники его постепенно распростирали и украсили окрестное зданіе монастырское. Варлаамъ основалъ новый домъ митрополіи, противъ западныхъ дверей Софійскихъ, который окончилъ Рафаиль, и, соорудивъ колокольню, обнесъ оградой весь монастырь. Рафаиль устроилъ также и богатый иконостасъ Софійскій, въ нынѣшнемъ его видѣ, а Митрополитъ Тимоѳей, переведенный въ послѣдствіи на кафедру Московскую, довершилъ внутреннее украшеніе Св. Софіи.

Давно уже Митрополиты Кіевскіе не погребались подъ сводами Св. Софіи; Гедеонъ первый, послѣ Кирилла, на разстояніи трехъ столѣтій, завѣщалъ опять положить себя въ своей кафедральной церкви, и даже въ томъ придѣлѣ, гдѣ покоился предокъ его великій Ярославъ; ибо отъ племени храмоздателя происходитъ древній родъ Князей Святополковъ Четвертинскихъ. Замѣчательно, что оба обновителя собора Софійскаго, Петръ Могила и Гедеонъ Четвертинскій, происходили отъ рода княжескаго, и казалось были возбуждены чувствомъ

своего достоинства, къ поддержанію славнаго творенія одного изъ величайшихъ властителей Русскихъ; но Петръ Могила, какъ потомокъ чуждой династіи, Господарей Молдавскихъ, не желалъ покоиться подлѣ родоначальника Русскихъ Князей, и завѣщалъ прахъ свой любимой имъ Лаврѣ Печерской; Гедеонъ же предпочелъ сосѣдство славнаго предка.

Ближайшіе преемники Гедеона, два Варлаама и Іоасафъ, не нашли себѣ успокоенія подъ сѣнію собора Софійскаго; но, со времянь знаменитаго Рафаила, Митрополиты Кіевскіе стали опять постоянно погребаться при своей кафедрѣ. Подъ ризничною палатою, въ югозападномъ углу собора, находится усыпальница, гдѣ почиваютъ благочестивые Іерархи, коими особенно прославился Кіевъ въ исходѣ минувшаго столѣтія: имена Арсенія, Гавріила и Самуила, навсегда останутся памятны Церкви Кіевской. Подлѣ нихъ отдыхаютъ и Святители нынѣшняго столѣтія, Іерооѣй и Серапіонъ, а послѣдній Евгеній, неутомимый по своимъ трудамъ, который сохранилъ намъ подвиги своихъ предшественниковъ и древности своей многовѣковой епархіи, завѣщалъ погребсти себя въ обновленномъ имъ придѣлѣ Срѣтенія. Подъ лѣвымъ крыломъ тогоже собора *) покоится и знаменитый проповѣдникъ, протоіерей Іоаннъ Леванда, тридцать лѣтъ оглашавшій своды храма краснорѣчивымъ словомъ своимъ, которое доселѣ еще памятно благочестивымъ жителямъ первопрестольнаго Кіева.

*) Въ Предтечевскомъ придѣлѣ.

Я поднялся на хоры, чтобы тамъ поклониться двумъ чудотворнымъ иконамъ, къ коимъ искони обращено благоговѣніе православныхъ. Одна, въ сѣверной галлерей, Святителя Николая, именуемаго мокрымъ, прославлена спасеніемъ изъ воды утопавшаго младенца; въ южной галлерей, икона Купятицкой Божіей Матери, не менѣе знаменита своими чудесами, и перенесена была въ соборъ Софійскій, православными иноками, изъ Пинскаго монастыря, когда имъ овладѣли Уніаты, въ половинѣ XVII вѣка.— Прикладываясь къ сей иконѣ, съ удивленіемъ услышалъ я, изъ за нее, молитвенные вздохи; и увидѣлъ, на самомъ краю хоръ, благочестивую поклонницу; она прилѣпила свѣчу свою къ порфировымъ периламъ и, на колѣняхъ, усердно молилась чудному изображенію Богоматери, что въ алтарѣ, которое представляется издали, во всемъ своемъ великолѣпіи, съ этой части хоръ.—Пречистая Дѣва точно паритъ, на золотомъ своемъ подножіи, какъ бы во глубинѣ неба; ея поднятыя къ небу руки и молятъ вмѣстѣ и осѣняютъ; ярко горятъ три звѣзды на челѣ и раменахъ, и выраженіе молитвы, въ отрадныхъ чертахъ ея, достойно величія честнѣйшей Херувимъ. Ублажаемая всѣми родами, она какъ бы идетъ изъ глубокаго неба, на встрѣчу ее призывающимъ, и все кажется ближе и ближе, чѣмъ болѣе на нее смотришь во внутрь алтаря; невольно исторгается изъ устъ сія утренняя пѣснь: «во храмѣ стояще славы твоея, на небеси стояти мнимъ; Богородице, дверь небесная, отверзи намъ двери милости твоея.»

II.

ОКРЕСТНОСТИ СОФІЙСКАГО СОБОРА.

ри выходѣ изъ собора Софійскаго, по сосѣдству ограды, мѣсто древнихъ обителей Ярославыхъ, Св. Георгія и Ирины, которыя устроилъ онъ въ честь своего Ангела и Ангела своей супруги, а нѣсколько далѣе Златыя врата. Небольшая церковь Великомученика, сооруженная Императрицею Елисаветой, указываетъ только мѣсто того знаменитаго храма Св. Георгія, гдѣ, по словамъ лѣтописи Несторовой, столовались, т. е. возводимы были на кафедру всѣ Епископы Русскіе; Ярославъ установилъ праздновать освященіе его, по всей Россійской Церкви, въ память своего Христіанскаго имени.—Мѣсто сіе должно быть священо для каждаго война Русскаго, ибо доселѣ кавалерственный праздникъ побѣдоносца, одушевляющаго дружины къ подвигамъ ратнымъ, совершается въ день, избранный великимъ Ярославомъ; рукою великомученика, онъ указалъ побѣдные пути сынамъ своимъ, во всѣ концы вселенной.— Въ обители Георгіевой былъ постриженъ и погребенъ несчастный сынъ Св. Владиміра Судиславъ, который провелъ въ темницѣ все долготнѣе царствованіе Ярослава и освобожденъ былъ племянниками только для того, чтобы свободно вздохнуть

предъ смертію. Теперь же мраморный памятникъ Господаря Молдавскаго Ипсилянтія, бѣдственно скончавшаго свое княженіе, составляетъ украшеніе церкви, гдѣ нѣкогда покоился прахъ развѣнчаннаго Князя. Еще недавно, нѣсколько развѣсистыхъ лишь, живописно осѣняли сей новый памятникъ благочестія Елисаветы, но срублены столѣтніе стражи урочища Ярослава, и обнаженная церковь лишена ихъ прохладной тѣни.

Противъ южныхъ воротъ Софійской ограды, открыты были, въ 1832 году, усердіемъ одного изъ антикваріевъ Кіевскихъ, остатки древней обители Св. Ирины, засыпанныя, вмѣстѣ съ золотыми вратами Ярослава, землянымъ валомъ въ исходѣ XVI вѣка, когда еще старый Кіевъ едва былъ исторгнутъ изъ подъ владычества Польши. Открыта одна алтарная часть, съ полукружіемъ горняго мѣста и каменными палатками по обѣимъ сторонамъ, гдѣ еще видны мѣста древнихъ гробовъ; остальное зданіе доселѣ подъ крѣпостнымъ валомъ; но нѣсколько древнихъ крестовъ и окладовъ, найденныхъ въ развалинахъ церкви, и остатокъ стѣнной живописи, изображающей Святителя на колѣняхъ, съ благословляющею рукою, свидѣтельствуютъ о благолѣпіи древняго храма.—Ярославъ, подражая во всемъ образцамъ Византійскимъ, соорудивъ у себя Св. Софію, конечно пожелалъ имѣть и церковь Св. Ирины, бывшую близъ Софійской; она доселѣ существуетъ въ Царьградѣ, но обращена въ хранилище оружія, вопреки

своему мирному назначенію; ибо самое имя Ирины означаетъ по Гречески миръ.

И златыя врата были устроены, великимъ Ярославомъ, на память тѣхъ златыхъ вратъ Цареградскихъ, къ которымъ пригвоздилъ ратный щитъ свой предокъ его Олегъ. Черезъ нихъ совершались торжественные въѣзды Князей нашихъ, когда возвращались они съ поля битвъ, часто междоусобныхъ, или вступали, при кликахъ народныхъ, въ престольный градъ свой, чтобы возсѣсть на престолъ отеческій. Объ нихъ ударился нѣкогда побѣдный мечъ храбраго Короля Болеслава, и даже сохранилъ слѣды сего удара. Ханъ Половецкій Бонякъ дерзнулъ сорвать съ нихъ позлащенную мѣдь, въ память своихъ приступовъ къ столицѣ Русской, и много мечей, Русскихъ и Польскихъ, и копій Половецкихъ, разразились объ мѣдные запоры сихъ знаменитыхъ вратъ, доколѣ не сокрушили ихъ Орды Монгольскія. вмѣстѣ со славою Кіева прошла и ихъ слава; отъ златыхъ украшеній, давшихъ имъ громкое имя, отъ громаднаго зодчества, слѣды коего еще доселѣ видны въ камняхъ обрушеннаго свода, нынѣ уцѣлѣли только двѣ боковыя стѣны: памятникъ достойный сохраненія! — Образъ Казанской Божіей Матери, стоявшій на остаткахъ вратъ до 1695 года, перенесенъ въ убогую Троицкую церковь, которая и донинѣ существуетъ на старомъ Кіевѣ *); икона сія, Пречистой Дѣвы, была единственнымъ воспоминаніемъ церкви Благовѣщенія, которую соорудилъ ве-

*) Въ 1858 г. перенесена въ новостроенскую часть г. Кіева.

ликій Ярославъ на вершинѣ златыхъ вратъ своихъ; онъ хотѣлъ, чтобы забрала Кіевскія тверды были заступленіемъ Той, чей образъ начертанъ мусією на нерушимой стѣнѣ Софійской!

Одинокими теперь стоятъ, на пустотѣ стараго Кіева, Златыя врата сіи, возвышавшіяся нѣкогда на самой торжественной изъ стогнъ столицы!—Кто взглянетъ чрезъ нихъ къ сѣверу, на старый Кіевъ, увидитъ часть храма Георгіева и высокую колокольню Софійскую; кто взглянетъ къ югу, увидитъ обширное поле, разрытый валъ и овраги, гдѣ разселяется новый городъ, а вдали великолѣпное зданіе, разсадникъ просвѣщенія, украшенный именемъ равноапостольнаго Просвѣтителя Руси, и вполне достойный того Царственнаго мановенія, по которому внезапно исторгся изъ окрестной пустыни *).

*) Писано въ 1843 году.

III.

СИМВОЛИКА СОФІЙСКАГО СОБОРА.

традно молиться въ родномъ святилищѣ Кіева; утѣшительно думать, что оно есть единственное на Руси, въ которомъ, отъ самаго начала нашего Христіанства, молилось все, что только было святаго и великаго въ отечествѣ нашемъ, начиная отъ Святителей и Князей. Чудотворцы Московскіе: Петръ, Алексій, Іона, Θεогностъ, Кипріанъ и Фотій, совершали священнодѣйствіе въ Софійскомъ соборѣ Кіевскомъ, коего стѣны уцѣлѣли и послѣ запусчнїя Татарскаго. Если только вспомнить, что подъ сими священными сводами, устоявшими противъ бури времянь, почиють великій основатель собора Ярославъ и величайшій изъ его преемниковъ Мономахъ, и что несокрушимый храмъ сей былъ свидѣтелемъ главнѣйшихъ событій земли Русской до Монгольской эпохи: то невольный восторгъ овладѣваетъ сердцемъ, при первомъ шагѣ внутрь завѣтнаго святилища, которое напоминаетъ намъ начало нашего просвѣщенїя въ Царьградѣ.

Если, однако, говорить безпристрастно, то кромѣ имени и значенїя первенствующей каѳедры, мало

сходства между Кіевскою и Цареградскою Софіею: до такой степени онѣ разнствуютъ по своимъ размѣрамъ, по внутреннему расположенію и по самому водчеству.—Наша Митрополія слишкомъ мала въ сравненіи съ Византійскою Патріархіею чтобы ихъ уподоблять одну другой. Но, не смотря на такое несходство, онѣ невольно роднятся въ нашемъ воображеніи, ибо Св. Софія стояла у насъ во главѣ Церкви всея Руси, какъ и Софія Царяграда во главѣ Вселенской, и намъ утѣшительно думать, что Церковь Восточная отразилась, какъ бы въ чистомъ зеркалѣ, въ матери Церквей нашихъ. Вотъ почему такъ близко нашему сердцу имя Св Софіи, которое встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ городахъ Русскихъ; мы привыкли съ дѣтства, при этомъ родственномъ названіи соборныхъ храмовъ нашихъ, искать въ нихъ и самый образъ того первобытнаго святилища, изъ коего пролилась благодатнымъ потокомъ на всю Россію вѣра Христова. Св. Софія имѣетъ для насъ тоже значеніе, какое имѣетъ для Грузіи Св. Сіонъ, ибо тамъ Сіонами преимущественно назывались соборные храмы, по воспоминанію матери всѣхъ Церквей Сіона, какъ писано въ псалмахъ: «мати Сіонъ, глаголетъ человекъ».

Такъ какъ архитектура церковная значительно измѣнилась на Востокѣ, въ теченіи пяти вѣковъ, отъ основанія Цареградской Софіи въ VI столѣтіи до построенія Кіевской въ XI: то должно предполагать, что образцемъ для нея послужила еще какая

либо изъ позднѣйшихъ церквей Греческой столицы, менѣе огромная по своимъ размѣрамъ, хотя и усвоилось ей имя древней Патріархіи. Чрезвычайную между ними разность составляетъ уже самый куполь, который, какъ обширный щитъ, осѣняетъ всю середину квадратнаго зданія Софіи Цареградской, тогда какъ въ Кіевской главный куполь тѣсенъ и возвышенъ, а четыре малыхъ, по сторонамъ его, даютъ новому храму позднѣйшій видъ Византійскихъ пятиглавыхъ соборовъ. Устройство верхнихъ галлерей, необходимыхъ въ древности для помѣщенія женщинъ, имѣло бы довольно сходства съ образцемъ; но въ Кіевѣ хоры сіи выступаютъ крестообразно внутрь храма, тогда какъ въ Царьградѣ, онѣ образуютъ правильный четырехугольникъ. Одно только углубленіе горняго мѣста совершенно сходно въ обоихъ храмахъ; но весь алтарь Кіевскій стѣсненъ между двумя первыми столбами, поддерживающими куполь, тогда какъ въ Византійской Софіи алтарь широко выдавался впередъ, ибо тамъ четыре основныхъ столба, осѣняемыхъ куполомъ, стоятъ посреди храма.

Если вамъ угодно обнять, однимъ взглядомъ, всю внутреннюю красоту родной нашей Софіи и разгадать всю ея символику, взойдите на западные хоры, и оттуда погрузите взоръ вашъ во глубину храма, до самой окраины горняго мѣста. Полюбуйтесь оттуда крестообразною формою церкви, очертанною съ трехъ сторонъ, кромѣ алтарной, двойными и тройными арками въ два яруса, съ остатками

мраморныхъ колоннъ. Углубите взоры и мысли внутрь святилища, горнее мѣсто котораго служитъ какъ бы кормою церковнаго корабля сего, и вы будете поражены величіемъ восточной нерушимой еѣ стѣны, еще украшенной древними мозаиками; вы подивитесь устройству тройныхъ аркъ, углубляющихся одна за другою, надъ горнимъ мѣстомъ; онѣ образуютъ какъ бы мозаическія рамы, которыя окаймляютъ колоссальную икону Матери Божіей, въ самомъ углубленіи алтарнаго полусвода. Все это въ высшей степени изящно и премудро расположено; по истинѣ здѣсь «Премудрость создала себѣ домъ», по выраженію книги Притчей. Теперь вникнемъ въ таинственный смыслъ самихъ мозаиковъ и фресковъ, исполненныхъ глубокой символики, при всей строгости священныхъ преданій.

Что прежде всего представляется вашему взору, изъ-подъ вѣнца главнаго купола, наполненнаго Ангельскими ликами?—Это мозаическій образъ Господа Эммануила, въ самомъ ключѣ основной арки, надъ иконостасомъ. Эммануиль, т. е. *съ нами Богъ*, означаетъ снисхожденіе къ намъ Сына Божія въ образѣ сына человѣческаго. Въ обоихъ углахъ сей восточной арки, вы еще видите остатки мозаики, изображавшей двухъ Евангелистовъ: Іоанна и Матѳея, которые возвѣщаютъ, одинъ небесное, а другой земное происхожденіе Эммануила, и въ ихъ раскрытыхъ книгахъ начало ихъ благовѣстія. Одинъ пишетъ: «*Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ*

Слово. Сей бѣ ископи къ Богу»; а другой: «Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля», На противоположной аркѣ два другихъ Евангелиста, изъ коихъ Маркъ совершенно сохранился мозаикой. Въ Цареградской Софіи шестокрылатые Серафимы замѣняютъ Евангелистовъ; но и сіе не безъ высокаго значенія: Пророкъ Іезекіиль созерцалъ, во дни плѣненія, таинственные образы животныхъ шестокрылатыхъ, многоочитыхъ, съ четырьмя лицами, орла, тельца, льва и человѣка, которые даны символами Евангелистамъ. Онъ видѣлъ ихъ на пламенныхъ колесахъ, возвышающихся отъ земли и идущихъ во всѣ страны, куда были обращены ихъ лики, что знаменовало вселенскую проповѣдь, и потому, быть можетъ, символическіе Серафимы замѣнили Евангелистовъ въ Цареградскомъ храмѣ Премудрости Божіей.

Далѣе внутрь олтаря, на второй аркѣ, образующей полусводъ горняго мѣста, подъ самымъ ликомъ Эммануила, вы видите другую икону мозаическую Спасителя, называемую *Деисусъ*, съ двумя предстоящими: Богоматерью и Предтечею; всѣ три лика въ трехъ кругахъ. Это уже болѣе присное человѣчеству изображеніе Господа славы, не только какъ Эммануила, съ нами сущаго Бога, но и окруженнаго родственными ему ликами Божіей Матери и великаго Предтечи, въ наклонномъ предъ нимъ молитвенномъ положеніи, что выражается самымъ названіемъ Деисуса, отъ Греческаго слова *δέησις* молитва. Тутъ уже

небесная слава Эммануила представляется доступною намъ, за коихъ пострадалъ онъ, во всемъ уподобившись братіи своей, по словамъ Апостола: *Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 17, 18). Подъ сею второю аркою, въ полусводѣ горняго мѣста, представляется взорамъ сама Предстательница рода Христіанскаго. Она стоитъ на твердомъ камени заповѣдей Господнихъ, съ воздѣтыми къ нему руками, осѣняя міръ своимъ покровомъ, на коемъ сіяютъ три звѣзды.

Почему же сей образъ Богоматери, отовсюду видимый, по самой своей колоссальности, господствуетъ надъ всѣми прочими, тогда какъ названіе Св. Софіи относится не къ Матери Божіей, а къ самому Господу Іисусу, воплощенному Слову и Премудрости Божіей?—Потому что здѣсь хотѣли соорудить домъ Премудрости Божіей, а Матерь Божія послужила симъ домомъ, въ который вселилось Слово. Она была, по выраженію церковному, «освященнымъ градомъ Божіимъ и селеніемъ Вышняго» и оттого къ ней относится здѣсь Греческая надпись вокругъ арки горняго мѣста: «Богъ посредѣ ея и не подвижится, поможетъ ей Богъ утро заутра» (Псаломъ 45). Въ Цареградскомъ храмѣ Матерь Божія представлена съ предвѣчнымъ Младенцемъ на лонѣ, и съ двумя Архангелами по сторонамъ, какъ Матерь воплотившагося Слова и Премудрости Божіей; здѣсь же держались одного лишь таинственнаго смысла *дома Премудрости*, выражаемаго чрезъ лице Пре-

святой Дѣвы, и храмовымъ праздникомъ служитъ рождество ея, т. е. самое созиданіе на землѣ дома Божія, тогда какъ въ Новгородской Софіи празднуется ея успеніе, т. е. преложеніе земной сей храмины въ небесную. Вѣроятно такъ было въ Царьградѣ, если только не совершалась тамъ, по древнему обычаю, одна лишь память обновленія вмѣсто храмоваго праздника, какъ мы это видимъ въ Іерусалимѣ, въ храмѣ Воскресенія. Есть преданіе въ Кіевѣ, что и Десятинная церковь, нынѣ празднующая также Рождеству Богоматери, праздновала первоначально ея Собору, на другой день Рождества Христова, такъ какъ существуетъ обычай въ православной Церкви совершать, на другой день главнаго праздника, память виновника сего торжества: такъ на примѣръ Святому Духу собственно празднуется на другой день его сошествія на Апостоловъ въ Пятидесятницу, и Предтечи на другой день Богоявленія, и Архангелу послѣ Благовѣщенія.

Замѣчательны символическія изображенія иконы Премудрости въ Кіевѣ и Новгородѣ, но едва ли не древнѣе Новгородская; ибо тамъ никогда не прекращалось богослуженіе въ храмѣ, со времени его созиданія, тогда какъ Кіевскій соборъ оставался многіе годы въ совершенномъ запустѣніи, и въ это время утрачена была древняя подлинная икона; она замѣнена новѣйшею, болѣе въ духѣ богословскомъ, нежели символическомъ. Матерь Божія, съ Божественнымъ младенцемъ на рукахъ, представлена въ храмѣ,

на семи ступеняхъ, изъ коихъ каждая выражаетъ какую либо богословскую добродѣтель: вѣру, надежду, любовь и проч.; она въ лучахъ солнца, и стоитъ на лунѣ. По сторонамъ ея на ступеняхъ стоятъ, съ правой стороны, четыре великихъ Пророка: Исаія, Іеремія, Іезекіиль, съ храмомъ въ рукахъ, и Даніиль, а съ лѣвой: Моусей со скрижалямн, Ааронъ съ жезломъ разцвѣтшимъ, и Давидъ Богоотецъ съ псалтирюю; надъ семью столбами храма сіяетъ ликъ Господа Саваога, съ семью Архангелами, и надпись греческая: *«Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ семь»*. И такъ здѣсь названіе Св. Софіи относится какъ бы прямо: къ лицу Богоматери, хотя и есть знаменіе Божественнаго младенца на лонѣ ея. Въ Новгородѣ, напротивъ, символика гораздо болѣе соотвѣтствуетъ Византійскому типу и самый смыслъ ея изобличаетъ подлинникъ. Самъ Господь, Слово и Премудрость Отчая, по слову Пророка Исаіи, представленъ, въ образѣ *Ангела великаго совѣта*, возсѣдающимъ на престолѣ, который утвержденъ на семи столпахъ и на камнѣ; а для того, чтобы не усомнились, что это дѣйствительно самъ Господь Ангеловъ, а не Ангель, то надъ главою Сѣдящаго видѣнъ малый ликъ Эммануила, и еще выше Евангеліе, раскрытое на олтарѣ, какъ истое слово Божіе, предъ коимъ преклоняются Ангелы. У Исаіи сказано (гл. 9, 6): *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, и нарицается имя Его: велика совѣта Ангель, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь*

мира, Отецъ будущаго вѣка. Посему и олицетворена такимъ образомъ Премудрость, а по сторонамъ ея стоятъ послужившіе ей ближайшими на землѣ орудіями: Матерь Божія, съ знаменіемъ Предвѣчнаго младенца въ лонѣ своемъ, и Предтеча, стоявшій на грани обоихъ завѣтовъ.

Ниже мозаического изображенія Матери Божіей, также мозаикой, представляется, во всю широту горняго мѣста, символическое изображеніе совершенія божественной литургіи, (а не икона Тайной вечери, какъ предполагаютъ нѣкоторые). По срединѣ стоитъ трапеза, украшенная богатымъ покровомъ, съ сѣнію на трехъ столбахъ; на трапезѣ четвероконечный крестъ (какое обличеніе для суетумудрствующихъ!), дискось, звѣздица и копіе, т. е. всѣ принадлежности необходимыя для совершенія литургіи. Съ обѣихъ сторонъ сѣни стоятъ два Ангела, въ бѣлыхъ хитонахъ, держащіе золотыя рипиды, представляя собою служеніе діаконовъ при святой трапезѣ. У переднихъ ея угловъ, и слѣва и справа, два изображенія Господа Іисуса Христа, въ золотомъ хитонѣ и голубой хламидѣ, совершенно сходныя между собою. Господь подаетъ съ лѣвой стороны, обѣими руками, святой хлѣбъ, — пречистое тѣло свое, подходящимъ къ нему благоговѣйно шести Апостоламъ, въ бѣлыхъ хитонахъ, съ согбенными или простертыми руками, по мѣрѣ ихъ приближенія къ трапезѣ: такъ и священное дѣйствіе преподаванія тѣла Христова Пресвитерамъ, изъ рукъ Епископа, происходитъ съ лѣвой стороны

престола. А съ правой—Господь преподаетъ Божественную чашу другимъ шести Апостоламъ, столь же благоговѣнно подходящимъ; такъ съ правой же стороны, по чину церковному, преподается чаша священнослужителямъ. Изображенія сіи свидѣтельствуя, какъ должно совершаться по древнему чину божественное пріобщеніе подъ двумя видами хлѣба и вина, неизмѣнное у насъ и доселѣ, тогда какъ у Римлянъ нарушено священное преданіе; у нихъ не только всѣ міряне лишены Св. чаши, но даже, при соборномъ служеніи нѣсколькихъ іереевъ, пользуется ею одинъ лишь совершитель таинства; прочіе же остаются только зрителями, хотя и предстоятъ олтарю. Это повторяется и при торжественномъ служеніи Палскомъ! Такимъ образомъ утрачено самое значеніе обѣдни, какъ общественнаго пріобщенія вечери Христовой. У насъ же утѣшительно видѣть, во время Архіерейскаго служенія, самое точное повтореніе мозаической картины Софійскаго олтаря, въ чинѣ пріобщенія священнослужителей отъ руки Святителя. Мозаика сія служитъ доселѣ поучительнымъ напоминовеніемъ для пріобщающихся внутри олтаря, (а прежде, когда иконостасъ былъ ниже, служила тѣмъ же и для пріобщавшихся внѣ олтаря мірянъ). Какъ видно, такія изображенія были необходимымъ условіемъ всякаго соборнаго храма, ибо мы видимъ доселѣ такую же мозаику и на горнемъ мѣстѣ Михайловской обители. Весьма вѣроятно, что отъ сего произошелъ позднѣе, когда высокіе иконо-

стасы начали закрывать горнее мѣсто, обычай ставить надъ царскими вратами икону Тайной вечери.

Греческая надпись, во всю ширину горняго мѣста, надъ символическою картиною, повторяетъ намъ подлинныя слова самаго Господа о необходимомъ приобщеніи не только Божественнаго его тѣла, но и честной крови, и обличаетъ отступившихъ отъ сего священнаго преданія: *Примите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ. Пийте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завета, яже за вы и за многія изливаемая, ео оставленіе грѣховъ.* Взирая на сіе мозаическое изображеніе, невольно возблагодаришь Господа, даровавшаго намъ счастье принадлежать къ Православной Церкви, столь свято соблюдающей всѣ священныя уставы Христіанской древности. Когда великій Ярославъ вызывалъ, въ XI вѣкѣ, въ Кіевъ иконописцевъ Греческихъ, для украшенія мозаикою создаваемой имъ Св. Софіи, еще не существовало въ Латинской Церкви сего нововведенія, т. е. отнятія чаши у мірянъ и даже у священнослужителей, кромѣ старшаго, при совершеніи таинства. Начинался только споръ между Востокомъ и Западомъ объ опрѣснокахъ, и одинъ изъ первыхъ Митрополитовъ нашихъ, Іоаннъ, обличилъ обычай Латинскій, которому могла бы служить обличеніемъ и сія мозаическая икона: ибо хлѣбъ, а не опрѣсноки, держитъ въ рукахъ Господь, и не только слова его, но и самое дѣйствіе повторяется на иконѣ, чрезъ приобщеніе подъ двумя видами. Вотъ сколько исто-

рической истины и догматики въ мозаикахъ Софійскихъ!

Изящная полоса мозаическихъ арабесковъ отдѣляетъ сію картину литургіи, которая занимаетъ весь второй ярусъ надъ горнимъ мѣстомъ, отъ нижняго яруса, наполненнаго ликами Святительскими, которые уцѣлѣли въ мозаикѣ только до пояса и дописаны съ низу. И здѣсь опять кроется глубокая мысль: сонмъ Святителей торжествующей на небесахъ Церкви, какъ бы видимо, сослужительствуетъ воинствующей на землѣ Церкви, при совершеніи божественной литургіи. Въ расположеніи сихъ ликовъ столь же строгое соблюденіе древняго чина, который можетъ служить для насъ утвержденіемъ въ истинѣ преданія Православной Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ обличеніемъ для Рима. Три продолговатыхъ окна (окна не расширены), надъ горнимъ мѣстомъ, знаменуютъ свѣтъ Богопознанія, отъ Пресвятыя Троицы исходящій и съ высоты святительской каѳедры проливаемый. Не сохранились мозаическія изображенія между сихъ иконъ и вмѣсто нихъ были написаны тутъ, при обновленіи собора, два Святителя Кіевскіе Петръ и Алексій, какъ предстоятели своей паствы, на томъ основаніи, что тутъ уцѣлѣла одна мозаическая надпись: *Петръ*; но она несомнѣнно относилась къ Апостолу, ибо только верховные Апостолы могли предстать лику верховныхъ Святителей, изображенныхъ по сторонамъ ихъ около горняго мѣста. По правую сторону средняго окна,

если смотрѣть къ западу, стояль надъ каедрою святительскою Апостоль Петръ, сохраняя свое неотъемлемое первенство; по лѣвую же отъ него сторону другой Апостоль, вѣроятно верховный Павель, или, можетъ быть, перевозванный Андрей, какъ потому что онъ водрузилъ первый крестъ на горахъ Кіевскихъ, такъ и потому что былъ основателемъ Византійской Церкви и первоначальникомъ ея Патріарховъ. Такимъ образомъ, при соблюденіи первенства Петрова, соблюдалось и равенство съ нимъ прочихъ Апостоловъ; ибо они оба предстояли надъ горнимъ мѣстомъ, подобно какъ и теперь, при служеніи двухъ Епископовъ, оба становятся рядомъ на горней каедрѣ, и старшій только имѣетъ почестъ правой руки предъ младшимъ.

По сторонамъ Апостоловъ, отдѣленные отъ нихъ промежуткомъ боковыхъ оконъ, уцѣлѣли мозаическія изображенія двухъ Архидіаконовъ: Стефана и Лаврентія;—это опять по чину церковному, потому что и теперь, при служеніи Архіерея, когда восходитъ онъ на горнее мѣсто для слушанія Апостола и Евангелія, становятся по бокамъ его два діаконъ. Безъ сего объясненія могло бы показаться страннымъ, почему въ Софійсковъ алтарѣ Архидіаконъ начертаны выше Святителей? Оба они съ кадилницами; Первомученикъ въ лѣвой рукѣ держитъ камень, знаменіе своего страданія, который прижимаетъ онъ къ персямъ; а у Лаврентія ладоница для ѳиміама. Но почему же здѣсь именно Лаврентій, а не кто ли-

бо другой изъ первыхъ семи Діаконовъ?—Потому что онъ былъ изъ Архидіаконовъ знаменитый мученикъ, а можетъ быть еще и потому, что мощи Стефановы, перенесенныя изъ Палестины въ Римъ, почиваютъ тамъ въ одной гробницѣ съ Лаврентіевыми, въ его знаменитой базиликѣ. Вездѣ господствуетъ какая либо мысль, а не произволь художника, какъ иногда теперь бываетъ это у насъ при украшеніи новыхъ храмовъ; а между тѣмъ вы видите и здѣсь взаимное сближеніе двухъ Церквей, Восточной и Западной, въ лицѣ ихъ первенствующихъ Архидіаконовъ.

Обратимъ также особенное вниманіе на выборъ и расположеніе первостепенныхъ Святителей, изображенныхъ мозаикою въ олтарѣ Софійскомъ, по сторонамъ Апостоловъ: ибо и это было не дѣйствіе произвола, а благоговѣйнаго разсужденія, такъ какъ все было премудро устроено, къ назиданію и утверженію вѣрныхъ, въ домѣ Премудрости Божіей. Имя каждаго Святаго при немъ сохранилось, написанное мозаическими златовидными буквами, сверху внизъ, по древнему чину; одно только имя Златоустаго монограммой, по частому его употребленію въ служебникахъ Греческихъ. Съ правой стороны, подлѣ Архидіакона Стефана, стоитъ Святитель Николай; рядомъ съ нимъ Григорій Богословъ, Климентъ Папа Римскій и наконецъ Епифаній Кипрскій; а съ лѣвой стороны, подлѣ Лаврентія, Святители Василій Великій и Златоустъ, далѣе два Григорія: Нисскій и

чудотворецъ Неокесарійскій.— Не служатъ ли и сіи нерушимо сохраненные лики, въ теченіи осьми вѣковъ, явнымъ обличеніемъ новой теоріи Римлянъ о мнимомъ главенствѣ ихъ Епископа, хотя они увѣряютъ, что до раздѣленія Церкви при Патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ, т. е. до 1051 года, Церковь Русская зависѣла также отъ Рима. Да послужитъ имъ обличеніемъ *нерушимая стѣна* Кіевской Митрополи, созданная въ 1037 году, слѣдовательно за 14 лѣтъ до раздѣленія, и если люди умолкнутъ, камни да возопіютъ, по слову Евангельскому (Лук. 19, 40). Никто не отъемлетъ первенства у Петра, но да не лишатся подобающей чести и прочіе Апостолы и Святители, унижаемые каѳедрою Римскою.

Кто же ближайшій Святитель стоитъ, по первенству чести, съ правой стороны верховнаго Петра?— Кажется, мѣсто сіе, по всѣмъ правиламъ теоріи Римской, должно бы принадлежать Папѣ Клименту, какъ ближайшему преемнику Апостола Петра, имъ самимъ рукоположенному на свою каѳедру, тѣмъ паче что Римляне хотятъ ставить его даже выше возлюбленнаго Апостола Іоанна Богослова, какъ видимую главу Церкви Вселенской еще при жизни его. Близокъ Климентъ и для Руси, ибо его мощи принесены были въ Кіевъ изъ Корсуни, равноапостольнымъ Просвѣтителемъ нашимъ, и даже его Святительскою главою рукоположенъ былъ соборно первый Епископъ, родомъ изъ Русскихъ, чтобы тѣмъ замѣнить посвященіе Патріаршее. Сколько казалось

важныхъ причинъ, чтобы ему стоять на первомъ мѣстѣ. Не смотря на то, ближе всѣхъ къ Петру поставленъ чудотворецъ Мурликійскій Николай, Епископъ хотя и древней, знаменитой кафедры, но не изъ старѣйшихъ, прославленный чудесами и крѣпкой поборникъ Православія на первомъ Вселенскомъ соборѣ, который онъ представляетъ здѣсь своимъ лицомъ, свидѣтельствуя о Никейскомъ символѣ. И такъ напрасно думаютъ ревнители Рима: будто лишь послѣ перенесенія мощей Святителя, изъ Муръ-Ликійскихъ въ Бары, и бывшаго тамъ частнаго собора, Папа указалъ намъ особое чествованіе сего великаго Святителя. Нѣтъ, онъ занималъ уже первое мѣсто въ Софійскомъ соборѣ болѣе нежели за полвѣка до перенесенія его мощей.

Кто же занимаетъ второе мѣсто съ лѣвой стороны Апостоловъ?—Опять не Климентъ, но святой Василій Великій, Архіепископъ Кесаріи Каппадокійской, величайшій поборникъ Православія въ своемъ вѣкѣ и составитель литургіи, до нынѣ совершаемой въ Православной Церкви. Послѣ него стоятъ, другъ противъ друга, съ правой и съ лѣвой стороны, на третьемъ и четвертомъ мѣстахъ, два великихъ Архіепископа Цареградскихъ: Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, составляющіе, вмѣстѣ съ Василиемъ, тройственный ликъ Іерарховъ, предпочтительно чествуемыхъ Вселенскою Церковію: Григорій, глубочайшій богословъ, какъ свидѣтельствуется самое его названіе, Златоустъ, краснорѣчивѣйшій витія и

также составитель литургии, употребляемой въ нашихъ храмахъ. Потомъ уже, въ пятомъ только мѣстѣ, поставленъ подлѣ Григорія Богослова Св. Папа Климентъ; (какое смиреніе для превозношенія Римскаго!) здѣсь и самая его кафедра уступаетъ Цареградской, коей два Іерарха стоятъ выше. Напротивъ его, рядомъ съ Златоустомъ, начертанъ Св. Григорій Нисскій, братъ Василія Великаго, извѣстный по своимъ духовнымъ твореніямъ и присутствовавшій на второмъ Вселенскомъ соборѣ, на которомъ окончательно утвержденъ и дополненъ Никейскій символъ вѣры, съ тѣхъ поръ неизмѣнно сохраняемый въ Церкви Православной. И такъ ликъ его служитъ свидѣтельствомъ нерушимости ея догматовъ и обличеніемъ нововведеній Римскихъ въ символѣ. Наконецъ послѣдними начертаны, другъ противъ друга, на стѣнахъ олтаря, Св. Епифаній Кипрскій, написавшій обличительную книгу противъ всѣхъ ересей бывшихъ до него и при немъ, и потому глубоко уважаемый Восточною Церковію, и Св. Григорій чудотворецъ Неокесарійскій, прославленный чудесами и составленіемъ перваго символа вѣры еще до Никейскаго. Вотъ какіе великіе борники Православія собраны въ святилищѣ Софійскомъ, во свидѣтельство вѣкамъ грядущимъ, дабы и позднѣйшіе совершатели таинствъ, въ священныхъ стѣнахъ сего храма, не отступали никогда отъ завѣщаннаго имъ Православія.

Всѣ они изображены въ фелоняхъ и бѣлыхъ крещатыхъ омофорахъ, съ Евангеліемъ въ рукѣ, какъ

истинные проповѣдники дома Премудрости Божіей, по слову книги Притчей: *Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь, посла своя рабы, созывающа съ высокимъ проповѣданіемъ, приглашая всѣхъ на чашу: иже есть безуменъ да уклонится ко мнѣ, и требующимъ ума рече: приидите и вкусите отъ трапезы* (IX, 1. 3). Трапеза и чаша уготованы горѣ, предъ глазами всѣхъ; проповѣдники сзываютъ къ ней проповѣдію, и потому у каждаго въ рукѣ священная книга; другая рука или благоговѣнно прижата къ сердцу, или благословляетъ, и здѣсь мы можемъ видѣть всю суету мудрствованія мнимыхъ старобрядцевъ; ибо въ уцѣлѣвшихъ мозаикахъ знаменіе крестное употребляется безразлично, судя по тому, какъ съ большею или меньшею точностію, изобразилъ благословляющую десницу мозаистъ, не всегда искусный: у Святителя Николая оно ближе къ двуперстному, а у Златоуста, и еще явственнѣе у Св. Григорія Нисскаго, оно прямо именованное; всѣ же кресты на стѣнахъ безъ изъятія четвероконечные, въ обличеніе суемудрыхъ. Такіе же кресты, въ большемъ видѣ, занимаютъ нижнюю часть олтарной стѣны вокругъ сопрестолія горняго мѣста, потому что тутъ изображенія лицъ были бы заслоняемы Епископами, восходившими на высокую ступень и возсѣдавшими на сопрестоліи, когда они служили съ Митрополитомъ всея Руси, а пресвитеры садились на нижней ступени у ногъ ихъ, гдѣ и теперь они садятся при служеніи Архіерейскомъ. Какъ

это все было мудро устроено, для благолѣпія іерархическаго служенія, и жаль, что это сохранилось только въ древнихъ соборахъ: ибо въ новѣйшихъ, даже въ самыхъ великолѣпныхъ, не существуетъ ни горняго мѣста въ настоящемъ его видѣ, ни сопредстоля около него, и сидящій Архіерей совершенно закрытъ отъ народа высотой запрестольнаго креста, или колоссальною дарохранительницею; а вмѣсто сопредстоля ставятъ стулья для пресвитеровъ, что совсѣмъ не въ порядкѣ, потому что имъ подобаешь сидѣть не вокругъ престола, а позади его.

Въ Кіевѣ кафедра Митрополичья о семи ступеняхъ и господствуетъ надъ всею церковію, такъ что видѣнъ за престоломъ возсѣдающій Святитель; а семь ступеней горняго мѣста, кромѣ символическаго значенія богословскихъ добродѣтелей, изображенныхъ и на Софійской иконѣ Премудрости Божіей, знаменовали также степень чести Русскаго Первосвятителя въ іерархіи Вселенской Церкви, какъ самостоятельнаго Архіерея, первенствующаго надъ многими подвѣдомственными ему Епископами. Престоль горній Патріарха былъ о двѣнадцати ступеняхъ, равно какъ и облачальный амвонъ, и это преимущество чести сохранилось доселѣ за Θεссалоникійскимъ Архіепископомъ, который соблюдаетъ его даже въ убогой церкви своей, гдѣ едва можетъ помѣститься столь высокій амвонъ, ибо драгоценно такое преданіе бѣдствующему Востоку.

Если теперь столь величественнымъ представляется, внутри алтаря, сидѣніе и стояніе Святителя

на горнемъ мѣстѣ Софійскомъ, съ двѣнадцатю сослужащими ему Архимандритами и Пресвитерами, во время чтенія Апостола и Евангелія: что же было прежде, когда съ первенствующимъ Митрополитомъ служили еще, кромѣ двѣнадцати пресвитеровъ, и Епископы всея Руси, занимавшіе верхнюю ступень горняго сопрестолія надъ іереями? Все это было открыто взору мірянъ, и съ высоты хоръ и изъ середины храма, потому что иконостасъ не былъ первоначально такъ высокъ и шире были царскія двери. Зрѣлище сіе представлялось еще въ большемъ величіи, когда цѣлы и свѣжи были мозаическія изображенія Апостотовъ и Святителей вокругъ горняго мѣста, такъ что, отъ низу и до верху, все собраніе живыхъ и начертанныхъ ликовъ сливалось въ одно цѣлое, и торжествующая на небесахъ Церковь являлась сослужащею воинствующей на землѣ, соединяясь съ нею въ одинъ священный сонмъ. Знаете ли откуда заимствована сія великолѣпная картина?— Св. Іоаннъ Богословъ изобразилъ намъ Церковь небесную, которую созерцалъ въ духѣ.— Раскройте четвертую главу его Апокалипсиса: »по сихъ видѣхъ и се дверь отверста на небеси«.— Вотъ сквозь какія двери смотрѣлъ Тайновидецъ. »Я былъ въ духѣ,— и се престоль стоялъ на небеси и на престолѣ Сѣдящій.... и окрестъ престола престоловъ двадцать четыре, и на престолахъ видѣлъ я двадцать четыре старца сѣдящихъ, облеченныхъ въ бѣлыя ризы, и имѣли вѣнцы златыя на главахъ своихъ; и отъ

престоловъ исходили молніи, громы и гласы, и семь свѣтильниковъ огненныхъ горѣли предъ престоломъ, которые суть семь Духовъ Божіихъ; и вокругъ престола четыре животныхъ, исполненныхъ очами отовсюду: первое животное подобно льву, и второе подобно тельцу, и третіе имѣло лице какъ челоуѣка, и четвертое подобно орлу летящему; каждое изъ четырехъ животныхъ имѣло по шести крыль, извнутри исполненныхъ очами; ни днемъ ни ночью не имѣютъ они покоя, взывая: святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Вседержитель, который былъ, есть и будетъ». Это символы, данные Церковью четверемъ Евангелистамъ, и замѣтите, что сидѣніе и стояніе Священнослужителей, на горнемъ мѣстѣ, бываетъ собственно во время чтенія Апостола и Евангелія. Видите ли, какъ знаменательно дѣйствіе сіе въ чинѣ Божественной литургіи, которая есть образъ небесной и отраженіе оной на землѣ.

Не безъ глубокой мысли предметами мозаическихъ изображеній, на алтарной стѣнѣ, избраны были два великіе момента Божественной службы:—возглашеніе слова Божія и приобщеніе вечери Христовой. Желательно, чтобы Софійскій послужилъ образцемъ для вновь сооружаемыхъ храмовъ, и были бы въ нихъ исправляемы погрѣшности, вносимыя западными архитекторами въ зодчество Византійское. Не разумѣя символики и потребности нашего Богослуженія, они обыкновенно нарушаютъ необходимое, для порядка и чина церковнаго, раздѣленіе алтаря на три части; а гор-

нее мѣсто думаютъ замѣнить большою запрестольною картиною, потому что на Западѣ новѣйшіе престолы приставлены къ стѣнѣ, хотя въ самомъ Римѣ древнія базилики служатъ для нихъ явнымъ обличеніемъ своими горними каѳедрами. У насъ же все устроено по древнему, а древнее по горнему образцу, какъ нѣкогда было сказано Моисею при сооруженіи Скиніи въ пустынѣ, послужившей начальнымъ образцомъ, не только Ветхозавѣтному храму, но и Новозавѣтной Церкви: »виждь, да вся устроиши по образцу показанному тебѣ на горѣ« (Исхода XXV, 40).—Это свидѣтельствуется, какъ должны мы свято соблюдать всѣ священныя преданія, преемственно къ намъ дошедшія, и не дозволять себѣ, при сооруженіи нашихъ храмовъ, никакихъ нововведеній, нарушающихъ древнѣйшее чиноположеніе.

Достоинно вниманія, что на четырехъ основныхъ аркахъ, поддерживающихъ главный куполь, изображены мозаикою въ кругахъ, еще отчасти сохранившіеся, сорокъ Мучениковъ Севастійскихъ, которыхъ особенно чтитъ Церковь, празднуя имъ даже и въ скорбные дни великаго поста, ибо великъ по истинѣ былъ ихъ подвигъ. Они предпочли замерзнуть въ ледяномъ озерѣ, ради исповѣданія имени Христова, хотя мучители, для большаго ихъ искушенія, затопили на берегу баню и когда не устоялъ одинъ изъ числа ихъ противъ такого искушенія, то мѣсто его заступилъ одинъ изъ совершителей казни, будучи пораженъ твердостію духа мучениковъ, и вмѣстѣ съ

ними удостоился нетлѣннаго вѣнца. Какая же была мысль изобразить ликъ сихъ Мучениковъ на основныхъ аркахъ?—На костяхъ мученическихъ основалась Церковь Божія, въ первые три вѣка гоненій бывшихъ противъ нея на землѣ. Посему предпочтительно изображаются лики Мучениковъ и Исповѣдниковъ на основныхъ столбахъ ея и аркахъ, и здѣсь Севастійскіе, какъ болѣе именитые, раздѣлены по десяти на каждую арку, подъ главнымъ куполомъ.

Тамъ, гдѣ арки сіи опираются на столбы, начертаны были мозаикой лики Пророковъ, возвѣстившихъ будущую славу Церкви Христовой, какъ можно судить по одному сохранившемуся изображенію, съ лѣвой стороны на олтарной аркѣ, хотя и безъ имени. Вѣроятно, такимъ образомъ расположены были четыре великихъ Пророка: Исаія, Іеремія, Іезекииль и Даніиль. Однако съ лицевой стороны двухъ боковыхъ аркъ, если смотрѣть къ алтарю, сохранились два мозаическихъ изображенія не самихъ Пророковъ, но Той, о которой они предрекли: *се Дѣва во чревъ зачнетъ и родитъ Сына, и наречеша имя ему Эммануиль* (Ис. VII, 14) и благовѣстившаго ей Архангела. Пречистая Дѣва изображена съ веретеномъ въ рукахъ, прядущею, какъ говоритъ преданіе, виссонъ на завѣсу Іерусалимскаго храма, предъ Святой Святыхъ, котораго таинственнымъ образомъ была сама. На противоположной сторонѣ Архангелъ, съ лиліею въ рукахъ, — знаменіемъ дѣвственной чистоты Божіей Матери. Оба сіи лика, на разстояніи

всего пространства алтарнаго, представляютъ одну полную икону Благовѣщенія, которая по существующему установленію, необходимо должна быть изображаема въ каждой церкви на царскихъ вратахъ, такъ какъ и Тайная вечеря надъ ними.

Вотъ все, что осталось отъ мозаикъ въ Софійскомъ соборѣ. Остальное лишь фрески; но, въ ихъ разборѣ, надобно быть осторожнымъ и не смѣшивать древняго съ позднѣйшимъ. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что всѣ одинокіе лики Святителей, Мучениковъ и Преподобныхъ, въ строгомъ величіи расположенные по столбамъ и тѣснымъ простѣнкамъ, изображаютъ только Святыхъ пяти первыхъ столѣтій, и нѣтъ между ними ни одного изъ числа позднѣйшихъ, хотя соборъ Софійскій сооруженъ въ XI вѣкѣ. Трудно разгадать причину такого исключительнаго выбора однихъ древнѣйшихъ ликовъ. Не оттого ли, что въ Кіевской Софіи хотѣли повторить только тѣ иконныя писанія, какія находились въ Цареградской, сооруженной не позже начала VI столѣтія. Тамъ не было однако фресковъ, а только однѣ мозаики, и болѣе на сводахъ, нежели на стѣнахъ, которыя покрыты мраморомъ, какъ это теперь можно видѣть послѣ ея обновленія. Можетъ быть у насъ хотѣли изобразить, въ лицахъ, одну лишь славнѣйшую эпоху первобытной Церкви, когда вся она была облита кровью своихъ Мучениковъ и прославлена исповѣданіемъ вѣры своихъ Святителей.

При строгомъ соблюденіи единоличности изобра-

женій, въ алтарѣ и въ самой церкви, довольно странно видѣть многоличныя картины въ жертвенникѣ и діакониконѣ, изображающія въ первомъ дѣянїя Петровы, а во второмъ дѣянїя святыхъ Іоакима и Анны и Матери Божіей; тутъ изображены: изведеніе Петра изъ темницы, обращеніе Корнилія сотника и крещеніе Апостоломъ въ купѣли Матери Божіей, какъ предполагаетъ мѣстное преданіе.

Въ двухъ боковыхъ придѣлахъ Св. Георгія и Архангела Михаила, прилегающихъ къ жертвеннику и діаконикону и современныхъ началу храма, нѣтъ сомнѣнїя, въ древности были фрески на горнемъ мѣстѣ; ибо тутъ предпочтительно изображены въ колоссальномъ размѣрѣ тѣ лица, коимъ посвящены сіи придѣлы: Великомученикъ и Архангелъ, подобно тому какъ и ликъ Божіей Матери въ главномъ алтарѣ. По сторонамъ еще видны древніе лики первостепенныхъ Святителей, имена коихъ уже стерты, по три съ каждой стороны. Но кажутся неумѣстными дѣянїя Великомученика на стѣнахъ алтаря, и фигуры волхва и языческаго Кесаря Діоклитіана тамъ, гдѣ древняя, строгая символика допускала только лики тѣхъ, кои имѣли право священнодѣйствовать внутри святилица, т. е. Апостоловъ и Святителей. Довольно странно и въ придѣлѣ Архангела, изображеніе низвергаемаго діавола подъ мечемъ Архистратига, хотя явленїя изъ міра Ангельскаго скорѣе могли быть допущены, нежели фигуры языческія, въ святилѣ алтаря. Между фресками, обновленными на

хорахъ собора, опять являются многоличныя картины: предательство Іуды въ саду Геосиманскомъ, жертвоприношеніе Исаака, какъ образъ жертвы Христовой, посѣщеніе Авраама тремя Ангелами, трапеза у него трехъ Ангеловъ и три отрока въ печи Халдейской, какъ символъ Троицы; тутъ еще изображеніе брака въ Канѣ Галилейской и Господа, возлежащаго на вечери. Въ описаніи Митрополита Евгения упоминается о портретахъ нѣкоторыхъ изъ Великихъ Князей нашихъ, которые были начертаны стѣнною живописью на хорахъ и теперь уже не существуютъ. Это соотвѣтствовало подлиннику Византійскому, гдѣ также на хорахъ сохранены, мозаикою, портреты Царей и Царицъ различныхъ династій, съ ихъ дѣтьми, преклоняющихся предъ ликомъ Божіей Матери, ибо хоры сіи собственно предназначсны были для почетныхъ лицъ женскаго пола.

Что касается до уцѣлѣвшаго изображенія различныхъ звѣрей и ловли, всадниковъ и пѣшихъ, которыми украшены были кругообразныя входы, ведущіе на хоры, то это во вкусѣ Византійскомъ и удовлетворяло вкусу нашихъ Князей. Четыре бронзовыхъ коня поставлены были, какъ извѣстно, на фронтонѣ Цареградской Софіи, и доселѣ мы видимъ, въ древнѣйшихъ храмахъ Грузіи, на ихъ наружныхъ стѣнахъ, изваянныя фигуры различныхъ звѣрей, преимущественно львовъ и леопардовъ, и птицъ съ плетеницами цвѣтовъ.—Во Владимірскомъ соборѣ Св. Димитрія, на фронтонѣ, изображенъ Господь Са-

ваоѣ на престолѣ, а вокругъ него лики Ангеловъ и разнообразныя фигуры звѣрей; тутъ есть своя мысль: это олицетвореніе псаломнаго стиха: »всякое дыханіе да хвалитъ Господа«.—Здѣсь же, въ Софійскомъ храмѣ, какъ и въ древнихъ Византійскихъ и Грузинскихъ, это не что иное, какъ произведеніе игривой фантазіи строителей, допустившихъ и событія изъ внѣшней жизни, для внѣшняго украшенія своихъ храмовъ.

Но за то, какъ все отчетливо во внутреннихъ частяхъ храма Софійскаго! Тамъ можно объяснить причину и значеніе почти каждой иконы, и весьма жаль, что, при обновленіи собора, не держались строго его древней, знаменательной символики. Я уже объяснялъ, какъ таинственно раскрывается она, съ высоты хоръ, до самой глубины алтаря. Достоинно вниманія и то, какъ обдуманъ были всѣ фрески и въ трапезной части храма; вы можете опять это замѣтить на хорахъ. Такъ какъ они предназначены были для женскаго пола, и западная ихъ часть, противъ самаго алтаря, преимущественно для Великокняжескаго семейства: то внизу на трехъ ближайшихъ столбахъ, съ правой и съ лѣвой стороны, изображены только женскія лица Мученицъ и Преподобныхъ, которыя своимъ примѣромъ должны были возбуждать державныхъ молитвенницъ; но дальше трапезной части вы уже не встрѣчаете на столбахъ женскихъ лицъ.

Говоря о хорахъ, нельзя не пожалѣть, что западное окно, теперь крестообразное, слишкомъ тѣсно; а прежде оно было почти во всю стѣну, и такъ оно доселѣ сохранилось въ Цареградской Софіи: оттого тамъ, чрезъ это окно, проливается въ вечерніе часы, обильный свѣтъ заходящаго солнца на всѣ золотыя мозаики сводовъ, и вся она какъ бы горитъ золотомъ; впрочемъ отчасти тоже бываетъ и въ Кіевской-Софіи, когда вечерніе лучи ярко озаряютъ ликъ Матери Божіей на горнемъ мѣстѣ.

При хорахъ на столбахъ продолжаютъ отчасти женскіе лики Мученицъ, съ крестами въ рукахъ, и Преподобныхъ, съ воздѣтыми горѣ руками; но ихъ болѣе съ правой стороны, нежели съ лѣвой. Есть между ними лики и Мучениковъ и Пустынножителей, и Царственные лики. Ближе къ церковнымъ аркамъ—Святители и Пророки: но имена ихъ не всегда удачно подобраны, хотя и старались сообразяться съ подлинникомъ. Такъ на примѣръ Моисей, у праваго клироса, представленъ съ евангеліемъ въ рукахъ, а Пророкъ Іона въ одеждѣ, опущенной мѣхомъ. Константиномъ названъ Греческій Императоръ, въ царской одеждѣ, съ малолѣтними Царемъ и Царицею, въ маломъ видѣ, по сторонамъ. Судя по одеждѣ, это не можетъ быть Константинъ великій, ибо онъ иначе изображается на фрескахъ Аѳонскихъ, современныхъ нашимъ, и въ другой коронѣ.

На главной аркѣ, три отрока Вавилонскіе, одинъ надъ другимъ, по странной своей одеждѣ,

полу-Греческой и полу-Персидской, съ звѣздами, такъ названы оттого, что сходны одеждою съ тремя отроками въ печи Халдейской, которые изображены на хорахъ. На столбахъ съ лѣвой стороны, противъ жертвенника, паписаны фресками два верховныхъ Апостола, Предтеча и Богословъ. Говорить, что такъ найдены были сіи фрески, хотя въ этой части храма обыкновенно не пишутъ Апостоловъ, но въ лицахъ Петра и Павла нельзя сомнѣваться. Именъ сохранилось только 26, изъ нихъ три женскихъ, прочія всѣ дописаны. Вокругъ храма, въ галлерейхъ, большею частію, Мученики во всеоружіи, какъ бы охраняющіе святилище. Вообще всѣ сіи лики Святыхъ, на хорахъ, представляютъ сонмъ угодниковъ Божіихъ, какъ бы видимо участвующихъ въ молитвѣ вмѣстѣ съ православнымъ народомъ.

На простѣнкахъ подъ хорами, ближе къ алтарю, обновлены по старымъ рисункамъ четыре фрески: явленіе воскресшаго Господа Мѣроносицамъ, увѣреніе Ѳомы, вознесеніе и сошествіе Господа во адъ или воскресеніе, которое иначе никогда не изображалось въ древней иконописи. Прочіе фрески на сихъ простѣнкахъ, кругомъ хоръ, утрачены и замѣнены Вселенскими соборами, которые тутъ были написаны послѣ временъ Митрополита Петра Могилы. Можно предполагать, что и до него были тутъ картины седми Соборовъ, по глубокому къ нимъ уваженію православной Церкви, ибо и въ Визедемскомъ

✓ 4/08

